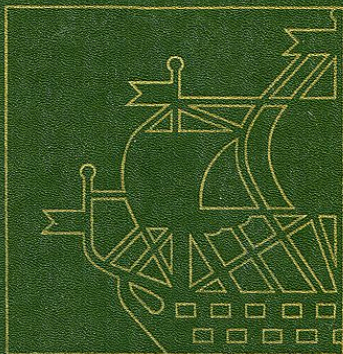

МОЛОДОЙ
ЛЕНИНГРАД
79

Молодой Ленинград*79

Ленинградское отделение
издательства «Советский
писатель», 1979 г., 352 стр.
Тираж 30 000 экз. Цена 1 р. 50 к.

Главный редактор Петр Капица
Редколлегия: Анатолий Аквилев,
Ирэна Сергеева,
Борис Сергуненков,
Эдуард Талунтис (составитель),
Сергей Тхоржевский
Редактор О.А. Цакунов

Художники: В.Н. Шульга
(оформление), Л.Г. Епифанов,
Н.А. Нефедов, А.В. Борисенко,
Е.Е. Баскакова

Стихи: Владимир Приходько, Екатерина Голубкова, Наталья Гуревич,
Юрий Герасимов, Петр Макаров, Александр Люлин, Сергей Сорокин,
Виктор Брюховецкий, Олег Бундур, Анатолий Иванен,
Александр Матюшкин-Герке, Ефим Ефимовский

Проза: Евгений Туинов, Александр Деркач, Валерий Суров, Юрий Детков,
Николай Коняев, Елена Матвеева, Ирина Борисова, Сергей Иванов,
Эмилия Кундышева, Анатолий Степанов, Виктор Кречетов,
Валерий Ларин, Петр Кириченко, Михаил Мишин, Константин Мелихан,
Гаджимет Сафаралиев, Сергей Далматов

Виктор Брюховецкий

Просочилась заря под дверь.
Кот усатый – домашний зверь –
Осторожно к заре идет,
И лакает ее, и пьет.

А заря все сильнее, сильнее.
Кот уже купается в ней!
До того напился зари,
Даже светится изнутри.

Юрий Герасимов

А все же лето не сравнить с зимой.
Пройдет – и оглянуться не успеешь.
Наверно, летом шар земной
Вращается быстрее.
Недаром же по просекам лесным,
Когда Земля подтормозит не шибко,
Выскакивают крепкие грибы,
Как мелкие заклепки из обшивки.

Николай Коняев

ФОТОГРАФИЯ

Утром проснулась, заглянула в комнату: его нет! Испуганно екнуло сердце, но, все еще спокойная поднялась в ремингтонную, но – и здесь нет! И сердцу стало совсем уже больно, и пошла, пошла, все убыстряя шаги, путаясь в широкой юбке, вбежала в библиотеку. Нет! – и навстречу с большими испуганными глазами Саша, и в руке – письмо, и сразу в глаза: «Мой отъезд огорчит тебя...»

Кто-то кричал за спиною, но не слышала голосов. Сквозь голый облетевший сад бежала к пруду, не бросилась, просто скатилась с мостков в замерзшую, зеленоватую тину.

Подспели. Несли домой на руках. Уложили в гостиной на диване.

Когда очнулась, увидела – в зеркале напротив какая-то старуха, по морщинистым толстым щекам не останавливаясь ползут медленные слезы...

А день был пасмурным. Только на минуту проглянуло солнце. Сочным желтым светом легло на полу яснополянского дома, но сразу скрылось – на небо натянуло косматых туч и снова заморосил мелкий, злой дождь.

Зачем-то диктовала телеграммы, умоляла, требовала, обманывала, а внизу сыновья писали письма и кто-то – медленное – играл на пианино.

Иногда с чужим лицом – она все, все знает! – проходила Саша.

Потом заснула. Снились лошади. Запрокидывая головы, бежали они к светлой озерной воде. Неясно, сквозь сон, слышала чьи-то голоса, потом снова медленную музыку, а когда проснулась – в доме уже появились репортеры. И долго говорила с ними, оправдывалась. Догадывалась, что оправдывается, и краснела, начинала путаться.

Репортеры курили. Прищурившись, рассматривали ее. Им надо было туда, где он, но об этом знала только Саша. Она, закрывшись, сидела в своей комнате.

Потом Софья Андреевна замолчала на полуслове, а люди, все новые люди мелькали вокруг, с любопытством рассматривали ее. В нетопленных комнатах было холодно, и Софья Андреевна зябла, куталась в пуховый платок.

Он ушел ночью, оставил ее в этом холодном доме. Вся жизнь ее была трудно-счастливой, потому что вся она была он, да еще дети, которые тоже он... И осталось только счастливо умереть, но смерти не было, он ушел ночью, ушел один, а здесь скандал и эти, раскрасневшиеся от любопытства, чужие лица.

Она и сама бы уехала с ним, сама бы пряталась сейчас от газетчиков, пересаживалась бы с одного поезда на другой – только с ним, только умереть рядом.

На следующий день сказали: Астапово.

Накинула пальто и поехала. Уже была ночь, когда бежала к дому начальника станции, а там люди, люди, и уже стали узнавать ее, оглядывались, толкали друг друга, что-то говорила торопливо, сбиваясь, путая слова...

– Только посмотреть... Я только в окошко загляну... Можно, да? Срок восемь лет жили...

И неслышные слезы снова текли по лицу.

И уже помогал кто-то перелезть через ограду палисадника, а она все бормотала: «Я жена, мне только посмотреть, только поглядеть...» – и, спотыкаясь, хватаясь руками за стволы деревьев, брела к желтым, светящимся в этой неоглядной ночи окнам.

Ярко вспыхнул навстречу магний. Снова ее, покинутую, фотографировали.

Так и осталась. Старая, прижавшаяся к окну станционного дома...

– Жалко, – растерянно сказала девушка невдалеке от меня. – За что ее так, а?

Ее спутник пожал плечами.

– Он, говорят, последнюю ночь «Братьев Карамазовых» читал... Нравственный поиск... Уйти... В ночь...

Голоса отдалялись. Экскурсовод торопил в следующий зал – день был выходной, экскурсии шли вплоты друг к другу, музей работал с точностью конвейера.

Виктор Кречетов

НА ОТШИБЕ (отрывок из рассказа)

Прошло два года. Алексей Логвинович и Марья совсем уже забыли, что когда-то останавливался у них рыбак, приезжавший из Ленинграда к учительнице Антонине, да и сама Антонина переехала в район. Давно они забыли и про обещание, которое дал им Истомин. Жили по-прежнему тихо, спокойно и буднично.

Как-то пошел Алексей Логвинович в Ягодное подкупить кое-каких продуктов, около магазина встретила ему почтариха Шура. Поздоровавшись, Алексей Логвинович хотел было пройти мимо, но Шура остановила его:

– Как хорошо, Алексей Логвинович, что я вас встретила, а то уж собралась к вам идти.

– Ко мне, зачем? – удивился Алексей Логвинович. Он никогда не получал писем. Родственников у него на стороне не было, вот только разве сестра Марьяна могла бы чиркнуть письмишко, да она жила здесь же, в Ягодном.

– Да уж третий день ношу письмо, думала, может, встречу случайно, вот и встретила. А то собралась идти, – сказала Шура и полезла в сумку.

Странные чувства охватили Алексея Логвиновича, когда он брал в руки конверт. На минуту ему захотелось помечтать, он представил, что в этом письме сообщается, будто нашелся его без вести пропавший брат и вот теперь едет к нему со всей семьей, с детьми, внуками и что, может быть, они теперь съедутся и будут жить рядом, и хорошо бы одним домом, – и у него будут внуки. Вот уж Марьюшка была бы рада, с нежностью подумал он о жене, истосковались бабьи руки по ребятишкам. Он с болью вспомнил, как умер в голодный сорок седьмой двухлетний Петруша. «Фу, старый, расчувствовался», – одернул себя Алексей Логвинович, завидя идущего по дороге начальника лесопункта. Нужно было как раз зайти к нему, переговорить, чтобы готовых дровишек подбросили. Алексей Логвинович сунул письмо в карман.

Закрутившись в делах, он забыл про письмо и лишь по дороге домой вспомнил о нем, но решил распечатать дома. На душе было радостно и

тревожно, он рисовал в голове всевозможные случаи, по поводу которых могло прийти письмо. Все они были один нелепее другого, но это не смущало Алексея Логвиновича, наоборот, впервые за много лет он почувствовал, как к нему, в эту глушь, протянулись чьи-то невидимые руки; и радостно было сознавать, что в далеком мире кто-то помнит о нем, кому-то он еще нужен.

Придя домой, он не удержался и, едва переступив порог, сказал:

– Марьюшка, письмо нам пришло. Доставай-ка свои очки, читать будем.

– Письмо, Лексюша, – удивилась Марья, – да откуда, от кого ж оно?

– Доставай-ка очки, сейчас узнаем.

Марья была слегка близорука, но очки надевала только при вязанье да шитье. Она прошла в светелку, открыла сундук, где хранила очки, и водрузила их на переносицу, приготовившись к торжественному случаю. Потом Марья аккуратно вскрыла конверт и начала читать:

«Здравствуйте, Алексей Логвинович и Марья Максимовна!

Пишет вам Иван Истомин из Ленинграда. Может, вы еще помните, как я останавливался у вас на ночлег. Я часто вспоминаю ту ночь, как вы хорошо приняли меня, да и рыбалка на вашей речке была удачной. Я тогда обещал написать письмо, но все никак не мог собраться: то квартиру ремонтировал – теперь она у нас вся блестит и гостей можно принимать, то план на заводе гнали, то уезжал в командировку, то отпуск брал. Все дела. Наконец выбрал время, посоветовался с женой – она будет рада вам. Приезжайте к нам. Правда, у Ирины, жены моей, сейчас много хлопот по дому – у нас вот уже полтора года как родилась девочка, назвали Машей, она уже ходит, начинает говорить, веселенькая такая дочка. Приезжайте, ждем, только о приезде напишите заранее, чтобы мы подготовились, и дайте телеграмму – я встречу.

До свидания. Пишите. Иван Истомин».

Ниже был написан адрес: Ленинград, Измайловский проспект, дом и квартира – все как положено.

Марья отложила письмо, с минуту смотрела на мужа, потом сказала:

– Вишь, Лексюша, он мне сразу понравился, степенный человек – такой брехать не будет.

Алексей Логвинович, молчавший все время, пока Марья читала, находился в некотором оцепенении, происходившем отчасти оттого, что он ожидал от письма чего-то большего, отчасти, может быть, оттого, что никак не ожидал письма от Истомина.

– Выходит, так – зовет в гости. Что ж, вот управимся с делами, заготовим сенца на зиму, дровишек подвезем, и можно будет писать в Ленинград. Да не помешаем ли мы им, дитенок ведь у них, поди, покоя нет, а тут мы?

– Руки у меня, что ль, оборвутся помочь-то им? Я и посижу с девочкой, коль понадобится, – обиженно возразила Марья.

– Так-то оно так... – хотел было возразить жене Алексей Логвинович, но осекся. Ему вдруг стало неловко за себя: «Что это я, человек, можно сказать, всей душой к нам, в гости зовет, а кто мы ему, сродственники какие? Да нынче и к сродственникам не очень разбежишься! А тут, подумаешь, переночевать пустили – невелико дело, не одного его пускали. Так от другого и доброго слова не дождешься. А тут – приезжайте!»

– Что ж, Марьюшка, поедем? – обратился он к жене.

– Отчего не съездить, Лексюша, – ответила Марья, – люди мы немолодые, так ведь больше, небось, и не случится.

– Верно говоришь, Марьюшка, съездим, пожалуй. Вот только с делами управимся и поедем. Скажи на милость, не забыл! А ведь два года прошло, и мы думать-то о нем не думали, а он вот на тебе... письмо – приезжайте. Рыбалка, говорит, хорошая. Отчего ж ей плохой-то быть, край наш богатый. Вот приехал бы зимой, так мы бы с ним поохотились ладно. Детишки пошли – хорошо, а что дела в городе, так ведь и у нас без них не обходится. Везде должны быть дела, без дел нельзя. Что мы тут с тобой, Марьюшка, без дел-то, а?

– Известно, как без этого, – согласилась Марья, собирая на обед.

Вечером они долго обсуждали, что взять с собой в дорогу, что купить в городе, что сделать по двору и какой подарок привезти Нюрке, если она согласится присмотреть за животинкой. И настроение у них было какое-то особое, словно долго-долго шли они лесом и неожиданно вышли в поле, и открылся простор до самого горизонта, и радостно, светло на душе.

Михаил Мишин

ЭКОЛОГИЯ

– Нет, ты скажи, – в сердцах сказал Брикетов, – ты мне скажи, откуда этого мусора столько берется?

– Ясно, откуда, – откликнулся Супонин. – Загрязнение среды называется. Все загрязняют, кому не лень. В Японии – жуткое дело! В реках уже воды не осталось, одна ртуть течет.

– Япония – ерунда, – сказал Брикетов. – Ты про Бискайский залив слышал?

– Слышал, – сказал Супонин. – Он между Грецией и Турцией.

– Ты что! – сказал Брикетов. – Между Турцией и Грецией – пролив Ла-Манш. А Бискайский залив – он ближе к Норвегии. Ну так вот, в заливе этом вообще уже все сдохло. И рыбы все сдохли, и водоросли. Все из-за нефти.

– Конечно, – сказал Супонин. – Эти пароходы как тонут, так всю нефть и выливают. Чтоб пожара не было. А так они спокойно утонут, и все.

– Им-то наплевать, – подтвердил Брикетов. – Они утонули, и все. А тебе потом в заливе в этом не искупаться. Так что, Коля, я тебе говорю: хреново с океанами у нас.

– Да, – сказал Супонин. – С океанами я тебя не поздравляю. И с суши не поздравляю. А атмосфера? Ты чувствуешь, чем мы дышим?

– Нет, – сказал Брикетов. – У меня нос заложен.

– Потому и заложен, – объяснил Супонин. – В атмосфере-то воздуха уже не осталось ни черта. Автобусы – раз! Папиросы все на улице курят, даже бабы, – два! Заводы всякие – три! Я тебе говорю: кислорода у нас осталось года на два. А потом? Как тут жить, я тебя спрашиваю?

– А никто и не живет уже, – сказал Брикетов. – Животные все раньше чувствуют, вот и вымирают. А птицы? В лесах, понял, никто уже не поет, не чирикает. Одни комары.

– Ха! – вдруг засмеялся Супонин. – Гляди, тебе от голубя подарок!

– Где? – закричал Брикетов. – Ах ты!.. – Он задрал голову и поглядел в небо. – Вот паразит, а! Пиджак испортил, новый почти!

– Птичка божия не знает ни заботы, ни труда, – продекламировал Супонин.

– Птичка, – разозлился Брикетов. – Убивать их, сволочей, надо! Птички, твои, собачки! Всю планету загадили!

– Смотри-ка, – сказал Супонин, показывая на асфальт, – вон пачка иностранная. «Мальборо», понял?

– Иностранцы, – неодобрительно сказал Брикетов. – Ходят, только пачкают.

– А может, не иностранец, – сказал Супонин. – Может, и наш. Я такие сам курил, мне один друг давал.

– Наши тоже мусорят, – сказал Брикетов. – Вон «Беломор» валяется!

– А может, «Беломор» иностранец курил, – сказал Супонин.

– Охрана среды, охрана среды, – в сердцах сказал Брикетов. – Так бы их всех носом и ткнул! В среду эту носом... Кстати, день-то какой сегодня? Не среда?

– Четверг, – сказал Супонин. Он оглянулся и начал вяло махать метлой. – Мети давай, сержант смотрит.

– Четверг, значит, – сказал Брикетов, тоже принимаясь махать метлой. – Это сколько ж нам еще охраной среды заниматься?

– Неделю, – ответил Супонин. – В ту среду как раз пятнадцатые сутки пойдут.